

Суфийские мотивы

Павел Любецкий

2022 год

Лицензия: [Creative Commons Attribution Share Alike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/).

О настоящем и ненастоящем времени

ощущение, что настоящее не такое уж и настоящее
а прошлое брошено
одни лишь карты дорожные

их много – но нет достижений
скорее набор цепей и оков
и мёртвый груз тупиков
лежащих в тайнике Тени

бегу от себя пытаюсь спастись у других
бегу от других пытаюсь спасти себя от других
себя от других в голове
и других от моего образа в них

но прятать себя в себе нету силы

голоса воют невыносимо
но то что они говорят
вряд ли запишешь в столбик
или выпишешь в ряд

хоть прошлое прошлое на произвол брошено
а пришлое прошлое кишит произволом
похоже, что Тень твоя так и прячется в прошлом

а прошлое с Тенью тебя поедают

тогда-то и злые личины спадают
что кормятся чашей распадов
не лучший боюсь из раскладов

и холод могильный в душе
чьё существование отрицал столько лет
и самость под грузом привычек

а из боекомплекта
только мобильный
плацкартный билет
и коробок спичек

горите фантомы огнём
экспресс уже на подходе

а Проводник примет всех
и каждый будет спасён

Он чей-то посланник
вроде

Его не волнуют контроль или власть
свобода — подарок для равных

но хватит ли сил сей подарок принять
вопрос едва ли не главный

Я, моя тень и мой фантом

когда стало ясно, что я остаюсь один
остались только мы трое
я
мой Фантом
и Тень

мне не о чем говорить с ними
и, по правде, их общество тяготит меня больше
чем общество окружающих

но те же окружающие наделяют меня ими
как обязательными атрибутами

послать бы их всех на три буквы, но
каждая буква
плотно сцепилась с другими

объясняю Тени, что никакой Тени у меня нет
что Фрейд был просто шутником и старым извращенцем
а Юнг — сумасшедшим
в общем, оба были очень странными типами

говорю Тени о том,
что странно верить во все эти синхроничности с архетипами

Тени плевать.

раз уж её наличие у меня — стереотип общества
(не очень-то спорить с обществом хочется)
значит, она обязательно есть
точка

откуда взялся Фантом
я вообще не имею понятия

я думал успокоить других
заверить, что это не я

скорее уж он — ошибка в их восприятии
коллективный ассоциативный процесс
разбавленный стереотипами
страхами
травмами
ассоциациями

вот только реальность ещё больше увидеть боятся они

тогда ведь придётся увидеть себя настоящих

вся ситуация — пат. помогают не сыграть в ящик
лишь совесть
свобода воли

и наличие хоть какого-то элемента контроля

Большая колесница и суфийский танец

учиться сочувствовать
надеясь найти в этом спасение

ведь сочувствовать — это быть с кем-то
это вовсе не одиночество

учиться сочувствовать, видя в это
Божий замысел и Священную Пустоту

сочувствовать так, что выбивает
все пробки

не остаётся сочувствия вовсе
а пустота вовсе не та, которую ты искал

эта пустота — не Пустота
это полное отсутствие чувств
в этой пустоте вовсе нет смысла

что может заменить ощущение смысла
ощущение статуса, контроля и власти
может быть
но ведь контроль — это всегда иллюзия

а пустота вместо сочувствия
приводит к своей противоположности

ощущению, что ты один. тотальному одиночеству
чем больше контроля, тем больше ощущение
что никого живого вокруг не осталось

чем сильнее люди подчиняются другому человеку
тем меньше их самих и больше этого человека

эго или, если угодно, нафс становится
таким толстым и уродливым
что человек не может рассмотреть ничего
кроме самого себя
хоть самого себя не видит

он жаждет всё больше и больше власти
всё больше объектов статуса, всё больше того
что он всё равно не сможет унести с собой в могилу

ненависть и разрушения — может быть
в этом тоже можно найти смысл

но в корне, я верю, всегда есть поломка
которая является внешней по отношению
к человеку

и наверняка, пробивая асфальт
боли, одиночества, страха смерти

растёт хоть маленький, но цветок
и важно, чтобы он получил немного воды
и немного солнца

тогда, наверное, в этом можно найти
любящую доброту и любовь
сказать «на благо всех живых существ»
и заполнить пустоту внутри

и тогда где-то рядом может промелькнуть
та самая Пустота, которую так долго искал
и которая никуда не уходила
или Божий промысел. и тогда ты увидишь
что милосердия и милости во всех мирах
больше, чем гнева

zen-zen, прозвенит будильник
чтобы ты мог начать свой день
с Истины, у которой нет имени
и того, что не может быть выражено словами

zen-zen. священная Пустота. Божий промысел. любовь
тайны, сокрытые в тишине и молчании

шум ветра. Шуньятта и карта Небес

Немного о природе любви

любовь начинается там, где заканчиваюсь «я»
там, где заканчиваюсь я, вообще много всего интересного:
например, смерть
например, Бог
например, суть вещей
например, свобода

в любви гораздо больше Бога, чем смерти
вернее, в ней вовсе нет смерти
в любви есть понимание, что смерти нет вовсе

наверное, именно с любви начинается религиозное чувство
наверное, именно с любви начинается пробуждение от многих из иллюзий
например, иллюзии о том, что человек одинок

наверное, именно с любви начинается Бог

сути вещей в любви больше, чем свободы
любовь уменьшает то, что тебе казалось свободой
и даёт взамен настоящую свободу

возможно, в любви есть всё. и всё есть любовь
возможно, любовь на самом деле о том, что нет ничего, кроме Бога

одни считают любовь иллюзией другие – освобождением от иллюзий
я думаю, что правы последние

в любви есть суть вещей. в любви есть прекрасное
прекрасное вообще основано на любви

и самое прекрасное – в любви нет надежды
надежда не нужна, когда есть жизнь

Путеводная звезда за линией горизонта

понять, что такое любовь относительно просто.
представьте, что вы оказались за линией горизонта:

здесь есть много интересных вещей и явлений,
здесь очевидно чьё-то невидимое присутствие.
наверное, это Бог.
да, скорее всего.
спасибо ему за это.

здесь есть суть вещей и разгадки.
но разгадки — последнее, что тебе нужно.
тебе не нужны тайны и не нужны ответы.
да и ты здесь не ради себя.

это не значит, что ты пытаешься
чувствовать радость всё время.

скорее, это значит, что ты видишь на небосводе
путеводную звезду,
даже оставаясь за линией
горизонта.

Пустыня

потеряв себя, можно обрести взамен очень многое.

от какого, в сущности, пустяка следует отказаться,
чтобы обрести подлинные сокровища!

такое странное, неясное, невнятное,
непонятно откуда взявшееся ощущение своего “я”.

бескрайняя пустыня, где почти нет островков жизни,
но есть горизонт и вкрапления оазисов
(не перепутать бы их с миражами!)

оазисы — это жизнь.

если долго вглядываться в оазис,
может показаться,
что никакой пустыни нет
и никаких миражей нет.

случайно заглянув чуть дальше горизонта,
можно увидеть то, что казалось потерянным,
пока ты блуждал по пустыне.

наверное, это Бог
и множество сопутствующих ему явлений.
сложно понять это, когда глаза ослеплены солнцем.

но даже если после этого ты окажешься в пустыне,
с тобой останется подозрение,
что как раз это и есть настоящее
а пустыня всегда была иллюзией.

Дихотомия

свой первый раз, когда я задумался
о проблеме детерминизма,
свободы воли
и той дихотомической по своей природе
морали, которая присутствует в культурах,
порождённых авраамическими религиями,
я помню плохо.

наверное, ботаникам потому и навешивают тумачков,
чтобы не задумывались над такими вопросами
и не ломали себе жизнь.

если твой выбор не имеет значения —
кому принадлежат победы, а кому поражения?

а если выбор — всего лишь иллюзия,
в чём виноваты вообще могут люди быть?
но это была лишь прелюдия

к полному выносу мозга.

не помню, когда вместо меня
в первый раз начала говорить моя боль.

она была куда более уверенной и, кажется,
куда более гармоничной и цельной личностью,
чем я.

а я был всего лишь мешком,
неуклюжим и бесформенным,
вечно испуганным и беспомощным
ребёнком.

я много думал о линейности времени,
параллельных мирах, шизофазии Зеланда,
которая мне давно параллельна.

а позже, что жизнь — лишь форма
существования белковых тел:
только цепочки нуклеотидов
и пары аллелей.

я думал о том, как вернуть то,
чего уже не вернёшь.

или снова вернуться туда,
где сделал неправильный выбор,

надеясь на то, что на этот раз
выбор ты сделаешь точно правильный
и точно сам.

а пока я думал об этом —
возможностей становилось всё меньше,
а поводов тосковать по ним - всё больше.

кажется, так и правда было комфортнее.

я ходил без цели —
руки в карманах,
голова в капюшоне
и никак не мог научиться
озираться по сторонам

или хотя бы смотреть под ноги:

так было бы проще рассмотреть руки помощи,
увы, уже окоченевшие, тронутые трупными пятнами.
главное — не наступайте на них пятками!

наверное, это судьба тех, кто помогает:
сначала ты протягиваешь руку помощи,
потом протягиваешь ноги.

я и сам такой:

тем не менее сам пишу этот текст рукой
которая одновременно протянута, разжата,
а пульс нитевидный.

до чего удивляет мироздание!

так много мыслительных потоков,
таких быстрых!
гнаться за ними
или гнать их?
или это они гонят:
гонят меня куда-то или гонят вообще?

какой вообще дурак станет доверять своим мыслям?

казалось, что вот-вот сорвёт тормоза,
зато прокачусь с комфортом в последнюю поездку.

но, кажется, внутри всё ещё оставалось
то, что было готово дёрнуть стоп-кран.
испуганное,
уязвимое,
удивлённое:

— а где в этом поезде Проводник?

вопрос, который волновал меня и раньше
в далёком детстве.

я прятался в деревенском домике от грозы.
в доме выбило пробки,
света и электричества не было.

и было очень страшно,
но почему-то свежо
и свободно.

наверное,
суть парадокса вагонетки в том,
чтобы успеть принять хоть какое-то решение
пока в этом есть смысл.

Тасаввуф: богатство нищих

попытка осмысления эзотеризма Ислама внешним наблюдателем.

Город

Город находился посреди пустыни под палящим солнцем. день сменялся ночью, Солнце сменялось Луной.

чужаки видели, что жители города жили в строгих ограничениях, придерживались жёстких законов и выполняли жёстко регламентированный набор ритуалов. им (как и некоторым горожанам) могло казаться, что в этом и есть суть жизни людей Города. но они не знали, что происходило в его сердце.

жители Города были консервативны и казалось, что с годами и веками Город не меняется. Город мог показаться жестоким: казалось, что там не было ничего, кроме палящего солнца, воинов, традиций и ритуалов, непонятных людям извне. и в то же время у жителей было ощущение сплочённого единства.

Солнце спало и вместо него на небе восходила Луна. она символизировала некую важную для них извечную Истину, но у этой Истины не было имени и она была невыразима словами.

постичь её означало увидеть вещи такими, какие они есть, увидеть их истинную природу, сделав так, чтобы извечная Истина преобразовала тебя, став твоими глазами, руками и ногами.

Сад

в центре этого Города находился Сад. именно его и защищали стены.

за пределами и на границе Города господствовали различия и противоположности – это была территория величия и гнева. в центре же Города, в Саду, противоположности совпадали, и в полной гармонии сосуществовали парадоксы. здесь проявлялись красота и спокойствие.

Сад внутри Города был его главной ценностью, с любовью оберегаемой грозными стенами.

периферия Города была чувствительна к различиям, в Саду же различия сливались. вся жёсткость Закона, вся грубость и суровость пустыни и стен преображалась для того, кто побывал в Саду.

Нищие

самыми богатыми людьми в этом Городе были отшельники, “нищие”, аскеты в шерстяных одеждах.

они как никто другой видели и понимали суть этого Города – Сад в центре. именно он и был их главным Сокровищем, но одновременно с этим Сокровище не было ничьим из них лично: ведь всё сущее на самом деле принадлежало отнюдь не им.

а если вещи на самом деле тебе не принадлежат, какой смысл в накоплении и жажде наживы?

Преобразование

стены придавали Городу внешнюю форму, Сад же был его сущностью. Сад расцветал и в тех людях, которые там побывали: их действия больше не были поверхностными, как действия людей, побывавших только на периферии. они исходили изнутри, и формальное следование законам уступало постижению их сути.

формализм становился избыточным после трансформаций внутри. буква закона была только ключом к тому, что уже включала сущность каждого из путников.

человек, который входил в Сад и вкушал плоды с деревьев, не просто начинал жить в вечном присутствии Истины, у которой не было имени: он понимал, что всегда жил в её присутствии. это преображало и его взгляд на вещи, которые были за пределами Сада.

эта Истина становилась его сутью, плотью и кровью. формализм ритуалов был бессмысленным без преобразования, которое ожидало путника в Саду.

преобразование же состояло не в изменении человеческой природы, не в какой-то коренной переделке человека, а только в усвоении того, что уже было его настоящей природой. сокровища уже были сокрыты в его душе, и от путника требовалась только их актуализация.

человек, вошедший в Сад, больше не видел мир разобщённым, но видел связь всего со всем: каждая вещь после этого, весь мир различения и отдельных объектов казался совсем другим и одновременно с этим оставался тем же. у вещей самих по себе не было собственной природы, их существование было заимствовано у Источника, и каждая вещь была ему подобна.

мир различий становился миром с(л)ияния.

Парадоксы и роли

человек, который бродил по пустыне, чувствовал себя частью пустыни. человек, стучащийся во ворота города, был человеком, стучавшимся во ворота города. человек, который говорил со стражниками, был человеком, который говорил со стражниками. но всё это было только ролями, которые эти люди отыгрывали. человек, входивший в Сад, понимал кто он такой на самом деле и его личное “я”, “я” его ролей, растворялось в Источнике, который и был его настоящей природой.

Сад был территорией парадоксов и логических несовместимостей. Сад был выходом за категории и шаблоны мышления. те категории, в которые загоняла человека среда до этого (среда пустыни, среда Города) никак не подходили к описанию того, что было в Саду. но после того, как человек побывал в саду, все эти шаблоны и категории виделись совсем по-другому: понимание вырастало из растерянности и изумления, а слияние рациональных различий было нужно, чтобы впредь видеть эти различия верно.

постижение Сада – это постижение невозможности постичь его. и в то же время эта невозможность постижения показывала, что такое “постижение” на самом деле.

в этом была диалектика Сада. парадокс был способом, которым в саду уживались противоположности, воевавшие между собой на периферии и в пустыне. парадокс приводил к незнанию, взгляду на мир новыми глазами, а ещё — к внутреннему преобразованию.

парадоксы вели к изумлению, поглощали путника полностью, так сильно, что их “я” исчезало. Сад был местом, где противоположности совмещались и фиксированные модели отпадали. преобразование охватывало путника с ног до головы, чтобы он смог, наконец-то, увидеть суть вещей вокруг.

Мгновения, вдохи и выдохи

каждое утро мы открываем глаза и видим перед собой вещи и явления. всю свою жизнь мы делаем вдохи и выдохи. но только помнящий об Источнике может открыть глаза и увидеть всё верно. только помнящий об Источнике может сделать верный вдох и верный выдох, верно почувствовать ветерок над кожей или верно касаться ногами песка.

одни и те же действия для человека, прикоснувшегося к Источнику и человека, с ним незнакомого, совсем не отличались внешне, но были чем-то другим в своей сущности. теперь Источник становился их глазами, ногами и руками.

человек, который бродил по пустыне, чувствовал себя частью пустыни. человек, стучащийся во ворота города был человеком, который стучался во ворота города. человек, который говорил со стражниками, был человеком, который говорил со стражниками. человек, прикоснувшийся к Источнику, понимал, что никакого “я” “вообще” нет, есть только “я” мгновения.

он сам становился сыном этого мгновения, человеком вдохов. его суть исчезала и гибла каждое мгновение: как можно было бояться смерти, если она была с тобой с самого твоего рождения? смерть никогда не отдалялась от него, но и акт творения был непрерывен. каждый вдох и выдох был моментом исчезновения и гибели его Самости. эти исчезновение, гибель и возрождение и были его жизнью. а парадоксы, совмещение несовместимого каждый раз давали ему возможность посмотреть на мир новыми глазами.

каждое мгновение он обращался в прах и снова восставал из праха. в одно и то же время он был и тождественен старому себе, и не тождественен ему, каждый миг он исчезал и сотворялся заново. преобразование, которые ожидало его в саду – преобразование, которое сопровождало его всю жизнь.

Танец дервишей

вечером в Городе звучала музыка, которая переносила Горожан в невидимый мир, к истокам в небытии, где люди слышали обращенное к ним повеление “Будь!”

побывавший в саду понимал, что эта музыка звучала постоянно. все сущности этого мира танцевали, перемещались то из сокровищницы невидимого мира в этот мир, то назад: в этом танце содержалось всё мироздание.

побывавший в саду слышал ритм мира, слышал его музыку и видел реальность как танец сущностей, подчинявшихся ритму, который им передал Источник. каждая пылинка танцевала так, как ей было предначертано.

в каждой бактерии, в каждом атоме, в каждой сущности мира был виден Источник.

Миражи и зеркала

мир иллюзий, мир миражей был только метафорой. этот мир оставался, но понимание его реальности смещалось: он воспринимался только как отражение Источника, что-то, что было нужно, чтобы выразить его свойства.

человек, побывавший в Саду, видел самого себя как мираж. всё вокруг было миражом, который одновременно скрывал и раскрывал Источник. более того: он видел и этот сад как мираж, как средство, которое помогало ему видеть Источник во всём.

весь мир был своеобразной системой зеркал, собственное “я” было своего рода слоем пыли на зеркале, само же зеркало было способно отразить и Источник. пыль счищалась с зеркала, и зеркало становилось совершенным.

увидеть себя означало осознать собственное несовершенство и признать совершенство истины, почувствовать боль своего несовершенства. она и пронизывала путника всю жизнь до этого, но он не понимал её природы. Источник же был тем, что было способно эту боль утолить.

путешествие к Источнику было одновременно путешествием вглубь себя, к себе. путник был зеркалом, которое стремилось постичь свою суть. достигший источника человек, человек, побывавший в саду, человек, ходящий по пустыне, не чувствовал больше жажды, потому что ему всегда был доступен безбрежный океан своего “я”.